

Приложение

Специальное сообщение управления НКВД по АССР немцев Поволжья партийно-советскому руководству республики и в вышестоящем управлении НКВД по Саратовскому краю о бесчинствах колхозников в отношении пионеров в с. Тамбовка. Июль 1934 г.*

С/секретно

Отв. Секретарю ОКВКП (б) тов. Глейм
Секретарю парткомиссии КПК т. Мойзис
Председателю СНК АССР НП тов. Фукс.
УПР НКВД СССР по САРкраю – нач. ОНО

Спец.-сообщение

В с. Тамбовке Федоровского кантона в бригаде № 2 колхоз «Чапаев» был организован пионерский пост по охране урожая.

21/VII-34 г. пионеры прибыли в упомянутую полевую бригаду и приступили к работе, во главе со ст. звена Ваней Бухонкиным. Проявляя пионерскую бдительность в охране хлебов и качестве уборки, Ваня Бухонкин, делая справедливые замечания колхозникам, подвергся со стороны последних издевательствам, обзыванию нецензурными словами и насмешкам.

21/VII-34 г. по прибытию в бригаду вместе с пионерами Бабенковой Тасей, Швечихиной Шурой, Ваня Бухонкин подошел к лобогрейке, на которой работали Раков Григорий и Ракова Ульяна (оба по соц. положению середняки) их косилка делала пропуски, плохо с большими огрехами скашивала хлеб, обращаясь к Ракову Григорию, Ваня Бухонкин сказал: «Плохо косите, качество

* Представлен оригинальный текст без редакционных правок.

плохое». В ответ на это Раков схватил кнут и, выражаясь нецензурными словами, делая попытку избить пионеров кнутом, прогнал их от косилки.

На противоположной стороне загона остановилась лобогрейка, интересуясь причиной простоя Ваня Бухонкин с упомянутыми пионерками направился к лобогрейке, установив, что косун Швечихин Василий Матвеевич и Лошатов Егор Сергеевич, обмолачивали два снопа с хлебом о лобогрейку. Ваня Бухонкин сказал им: «Так нельзя делать, товарищи, это есть хищение хлеба». Швечихин Василий схватил кнут, выразившись нецензурными словами, ответил: «Отойдите вон, а то я тебя сейчас кнутом отпорю». Лошатов Егор, также с нецензурными словами, подбежав с вилами в руках, намахнувшись на Ваню Бухонкина, заявил: «Уйди по добру, а то я вас перепорю вилами».

Во время обеденного перерыва (в тот же день) Ракова Ульяна, продолжая издеваться над пионерами, несколько раз обозвала их нецензурными словами, а колхозник Антонов Егор взял Ваню за руку, подвел к ведру с водой и это ведро вылил на Бухонкина. Впоследствии по предложению Раковой Ульяны, Антонов Егор снял пионерский галстук с Вани и привязал его за ногу козлу, за последним бегал Ваня, стараясь выручить галстук. Присутствующие колхозники смеялись. Парторг и бригадир второй бригады на это соответственно не реагировали. Ракова Ульяна – середнячка и Лошатов Егор – бедняк, оба рвачи, привлечены к уголовной ответственности, дело заканчивается и передается в суд.

Настоящее сообщается с просьбой мероприятий по партлинии, и заострению внимания и недопущения указанных фактов

ВР Нач. УПН Бубеннов
НКВД АССР НП Сиротин

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294а. Л. 62

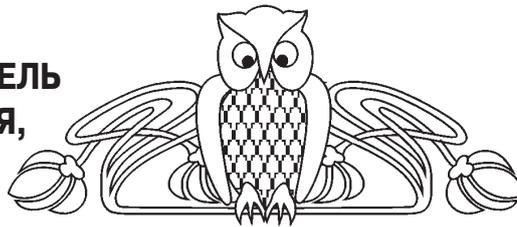
УДК 903(470.4)637.7|+929Рыков

**ПРОФЕССОР П. С. РЫКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОВОЛЖЬЯ,
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО И ВОЛГО-ДОНСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Н. М. Малов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: malovnm@mail.ru

К середине 1930-х гг. профессор Саратовского государственного университета Павел Сергеевич Рыков разработал концептуальные основы процесса культурогенеза бронзового века Нижнего Поволжья. При этом весьма существенное место он уделит па-

мятникам хвалынской культуры позднего бронзового века. Вслед за работами В. А. Городцова и А. М. Тальгрена исследования П. С. Рыкова явились весьма важными и до сих пор сохраняют свое значение при разработке проблем эпохи поздней бронзы Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья.
Ключевые слова: П. С. Рыков, археология, поздний бронзовый век, покровская культура, срубная культура, хвалынская культура валиковой керамики, Поволжье, Волго-Уральское междуречье, Волго-Донское междуречье.

Professor P. S. Rykov – an Explorer of the Late Bronze Age of the Volga Region, the Volga-Ural and the Volga-Don Interfluves

N. M. Malov

By the middle of the 1930s, Pavel Sergeevich Rykov, a professor of Saratov State University, has developed conceptual foundation of the Bronze Age culturogenesis process of the Lower Volga Region. Substantial attention was paid to the Khvalynsk culture monuments of the Late Bronze Age. Alongside with the papers by V. A. Gorodtsov and A. M. Tallgren, P. S. Rykov's studies proved to be essential and are still regarded as the most significant for dealing with the problems of the Late Bronze Age of the Volga Region and the Volga-Ural and Volga-Don interfluves.

Key words: P. S. Rykov, archaeology, Late Bronze Age, Pokrovsk culture, timber-grave culture, Khvalynsk culture of beaded pottery, Volga Region, Volga-Ural interfluve, Volga-Don interfluve.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-345-351

Профессор Павел Сергеевич Рыков занимает особое место среди отечественных исследователей, внесших основополагающий вклад в развитие отечественной археологии эпохи бронзы и позднего бронзового века (ПБВ). Фундаментальные основы для разработок моделей культуурогнеза ПБВ были заложены его учителем – В. А. Городцовым. Исследователь первым отнес к срубной культуре (СК) курган близ с. Одоевщина, а к хвалынской (ХК) – Сосново-Мазинский клад¹. Дальнейшее активное изучение ПБВ Нижнего Поволжья связано с деятельностью П. С. Рыкова. Он подтвердил точку зрения В. А. Городцова о присутствии в бронзовом веке Нижнего Поволжья памятников ямной культуры (ЯК), СК и ХК, а также погребений в насыпи и на древнем горизонте. Опираясь на схему В. В. Городцова, Павел Сергеевич разработал новую модель культуурогнеза ПБВ².

До этого члены СУАК относили обнаруженные в Саратовском Поволжье археологические памятники к эпохам меди или бронзы, а иногда и к ПБВ³. Выделяются работы хвалынских археологов М. А. Радищева (1859–1920) и В. Ф. Орехова (1873–1942). Василий Федорович занимался археологией профессионально. В 1914 г. он закончил петербургский Императорский археологический институт, прослушав курс таких наук: первобытная и христианская археология, юридические древности, славяно-русская палеография, историческая география и этнография России, нумизматика, дипломатика, архивоведение и археография. В. Ф. Орехов заложил охранные траншеи на «стоянке медного века» около с. Ивановки и раскопал на берегу Волги остатки материкового жилища. В 1912–1915 гг. Радищев вскрыл значительную площадь на поселении в Липовом Долу близ с. Ст. Яблонка Хвалынского уезда, где обнаружил остатки котлованов от трех прямоугольных построек, створку литейной формы и другие свидетельства металлургического производства.

Радищев и Орехов обследовали место обнаружения Сосново-Мазинского клада и дополнили его коллекцию другими вещами. Сейчас к ней можно отнести 84, а не 85 предметов. Один серп – косарь из Саратовского областного музея краеведения, найден гораздо позже, не там же, где и клад, а на сельских огородах – в насыпи, вместе с рогом и кусками истлевшей кожи⁴.

С 1920 г. и до своего ареста 14 августа 1937 г. П. С. Рыков работал в Саратовском университете. Прибыв в Саратов, он сразу же занялся осмыслением уже имевшихся археологических материалов по эпохе бронзы. В 1921/22 гг. Рыков выступил с несколькими докладами на публичных научных заседаниях, в которых освещались памятники ПБВ: «К вопросу о свастике» (вероятно, использовался фрагмент керамики со свастическим орнаментом Покровского селища), «Покровский курган и селище», «О результатах археологических работ в 1922 г.»⁵. С 1921 и по 1937 г. Павел Сергеевич ежегодно осуществлял систематические исследования археологических памятников Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий. К сожалению, большинство курганов раскапывались не полностью, а по старой методике – «колодцем». В 1922 г. обследовались памятники ПБВ по реке Саратовке (Покровское селище) и в Хвалынском уезде (место обнаружения Сосново-Мазинского клада, Ивановское селище, поселения близ с. Старая Яблонки). Археолог отметил наличие в Саратовском крае бытовых и погребальных памятников СК, одновременной которой, вероятно, была ХК⁶. Одной из целей полевых работ 1923 г. было наблюдение над распространением здесь СК. Профессор осуществил разведки по рекам Латрык и Медведица, продолжил раскопки поселений в Хвалынском р-не (городища № 1, 17), исследовал курган близ г. Покровска с остатками сруба. Интересными он признал находки черепков с валиковой орнаментацией или «с лепным веревочным орнаментом, известным на посуде из Ивановской раскопки»⁷. Рыков высказал предположение о том, что так называемая «Хвалынская (иначе Даниловская или Покровско-Ивановская) культура связана определенно со срубной через поздне-срубную»⁸.

В 1924 г. профессор проводит большие археологические обследования по правобережным рекам Медведице и Терсе, а в левобережье – в бассейнах рек Еруслан и Б. Караман. С целью дальнейших наблюдений над распространением СК археолог приступил к систематическим раскопкам многочисленных курганов – «курганного поля» близ г. Покровска (Энгельса). Эти курганные группы он исследовал несколько лет и открыл очень информативные погребальные комплексы ПБВ. Первоначально раскопав здесь со студентами педагогического факультета четыре кургана, он подтвердил существование в Нижнем Поволжье СК. Археолог отметил, что изучаемая культура может быть названа «хвалынской» или «позднес-

рубной»⁹. По его мнению, СК, распространенная «по обе стороны Волги», характеризовалась скорченными на левом боку костяками с руками перед лицом, наличием срубов, сосудами остро-реберных и баночных форм, бронзовыми ножами, вислообушными топорами саратовского типа, достаточными количеством селищ¹⁰. Не оставался вне поля зрения исследователя и Сосново-Мазинский клад. Например, он подчеркивал, что в Самарской губернии найдена литейная формочка для изготовления таких бронзовых серпов, какие были в этом кладе¹¹.

Летом 1925 г. Павел Сергеевич с сотрудниками Областного Государственного музея и Южно-Волжского института краеведения и студентами педфака СГУ провел археологические работы в Нижнем Поволжье и Уральской области. Полевые исследования охватили огромные районы Волго-Уральского междуречья в бассейне рек Еруслан, Деркул и Чеган¹². В юго-восточной Покровской группе были раскопаны курганы № 12–18. Погребения эпохи ПБВ, содержащие бронзовые наконечники копий (Покровск, курганы № 7, 8, 15) и кремневые наконечники стрел, исследователь справедливо соотнес с сейминской культурой и Бессарабским (Бородинским) кладом. В результате раскопок Алексеевского городища (правый берег Волги выше Саратова) было установлено присутствие «хвалынской» или «поздне-срубной» керамики в его нижних слоях.

По мнению П. С. Рыкова, в результате новых раскопок в Нижнем Поволжье обнаружили артефакты, которые не могли планомерно войти в схему В. А. Городцова. Поэтому с учетом хронологии А. Тальгрена он предлагает другую рабочую гипотезу развития культур бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье или археолого-культурологических стадий условной ХК, где древнейшей первоначально была ЯК раннего бронзового века¹³. Далее следовала стадия А, включавшая в себя погребения эпохи средней бронзы с воздействием катакомбной культуры (Фриденберг к. 6, 7; Шипово к. 8; Царицынский курган). Памятники ПБВ включали в себя древности ХК, расчлененные на две почти одновременные стадии: стадия В (влияние срубной культуры) и стадия С (бессарабско-сейминское влияние). При построении своей схемы исследователь использовал бытовые и погребальные памятники, а также обрядовые показатели, керамику и другой инвентарь.

Павел Сергеевич отнес к стадии В погребения из курганов: Петровск № 2; Суслы № 4, 8, 9, 10, 20, 33; Покровск № 4, 9, 13, 20–25; Фриденберг № 1–4, 6; Боаро № D 24, 28, 29, 31; Харьковка; Визенмиллер х. Зеленый; Зиновьевка; Ст. Чардым; Ст. Ексарка; Марьевка; Булгаковка; Тонкошуровка с баночными и остро-реберными сосудами, характерными для СК¹⁴. Профессор полагал, что погребения данной стадии пронизаны срубными элементами, четко фиксируемыми в обряде, керамике баночных и остро-реберных

форм с небрежным чеканным геометрическим орнаментом. Рыков справедливо считал, что орнамент керамики этой стадии, состоящий из различных комбинаций углов, параллельных отрезков, прямых и пересекающихся линий, заслуживал специального изучения. Среди форм и орнаментации данного типа был отмечен сосуд из Покровского кургана № 25, инкрустированный белой пастой-мастикой (определение профессора СГУ И. Райского), который Рыков сближал с закавказскими экземплярами¹⁵. Характеризуя керамику стадии С, он обратил внимание на то, что посуда здесь была не только грубой выделки, но и отличалась преобладанием вазообразных форм при полном отсутствии собственно срубных остро-реберных сосудов. В обряде отмечалось сооружение срубов, слабая скорченность погребенных, северная их ориентировка и др. Сюда были включены волго-уральские захоронения из курганов: № 7, 8, 14, 15, 16, 19, 35 Покровской юго-восточной групп, № 1 (трупосожжение) из Кордона Деркульского, № 1 близ Переметной¹⁶. Исследователь верно отметил сходство ХК и андроновской культуры (АК) по многим показателям.

В 1928 г. Рыков произвел археологические работы в районе г. Покровска (ю.в. группа курган № 40) и Саратова (курган № 2 по Симбирской дороге), а также по левому берегу Волги в Астраханском округе¹⁷. В Покровской юго-восточной курганной группе был раскопан последний курган ПБВ. Во время экскурсии со студентами педагогического факультета СГУ было обследовано Танавское городище. В заложенных шурфах были обнаружены черепки с орнаментом ХК. Профессор одним из первых стал интересоваться определением пограничной территории между ХК и АК. Тогда П. С. Рыков и М. П. Грязнов считали, что пограничье ареалов распространения данных культур проходило по реке Урал, АК бытовала в левобережье р. Урал, а ХК – в Волго-Уральском междуречье¹⁸. Северо-восточной границей для ХК, по мнению Павла Сергеевича, могла служить территория Оренбургского края: «Хвалынская культура не пропускала на средний и верхний Урал Андроновской культуры, границу которой следует искать где-то на Илеке и несколько севернее. Центром же Хвалынской культуры – стадий В и С в Заволжье является район, примыкающий к рекам Терешке, Узе, Саратовка (Покровск), Карамышу и Иргизу, где эта культура дает наиболее яркие свои черты»¹⁹.

Несомненной заслугой Рыкова является создание научной археологической школы в Саратове, среди представителей которой были его талантливые ученики (Н. К. Арзютов, Т. М. Минаева, П. Д. Рау, И. В. Сеницын), занимавшиеся раскопками и изучением ПБВ Нижнего Поволжья. В 1920-е гг. среди них наиболее активным полевиком и способным исследователем был Пауль Рау, опубликовавший новые и важные материалы из

своих раскопок, осуществленных на территории АССР Немцев Поволжья. Он систематизировал материалы на основе периодизации памятников бронзового века Рыкова и данных курганной стратиграфии²⁰. Подчеркнув противоречивость используемой схемы, особенно относительно стадий В и С, Пауль Давидович обратил внимание на некоторые их хронологические и культурные отличия, а также переименовал стадию А с погребениями катакомбной эпохи в «полтавкинскую ступень» и дополнил ее характеристику.

Достаточно оперативно используя результаты полевых и теоретических исследований, Рыков добавил в разрабатываемую модель культурогенеза еще две параллельные и более поздние стадии D и E, следовавшие за стадиями С и В. Основанием для этого послужили материалы курганов ХК, раскопанных в 1930 г. на Хопре и близ села Чардым недалеко от впадения р. Чардым в Волгу²¹. Тогда же обследовалось Ахматское и первое Чардымское городища, а также селище в урочище Мартышкино на правом берегу Волги, где встречались в слоях черепки посуды ХК. В ходе работ на Хопре от с. Рассказань через г. Балашов, вверх по течению реки, до с. Надеждинка близ г. Сердобска было раскопано 15 курганов (Старо-Хопёрское, Репное, Турки, Надеждино и др.). Теперь исследователь считал, что стадию А было бы вернее не включать в состав ХК, а связать с ямной. Ссылаясь на исследования С. А. Теплоухова, он связывал стадию В и АК. Вазообразная посуда медленно, но неуклонно сменялась баночно-вазообразной и баночной, оттеняя тем самым отход от стадии С и образование более позднего комплекса следующей стадии D²². По его мнению, это особенно ярко фиксировалось в погребениях № 9, 10 кургана № 1 и в кургане № 2 близ Чардымского городища. Рыков справедливо подчеркнул, что такие же бронзовые подвески лавролистной формы, как из погребения 9 Чардымского кургана, известны в АК. Более поздние и синхронные стадии D и E характеризовались с использованием новых материалов, открытых Рыковым на севере Нижнего Поволжья в Волго-Донском и Волго-Уральском междуречье (Покровск, Старо-Хоперское, Надеждино, Репное, Переметна, Кордон Деркульский и др.) и из раскопок П. Д. Рау. Таким образом именно Рыков первым расчленил погребения ПБВ Нижнего Поволжья на ранние и поздние, в том числе и те (стадии С и D), которые сейчас относятся к покровскому типу или покровской культуре. Он неоднократно отмечал, что предложенная им концепция ПБВ не окончательная. В последующем Рыков постоянно дорабатывал и уточнял характеристику выделенных культурно-археологических стадий.

Определенные итоги изучения ПБВ Нижнего Поволжья Павел Сергеевич успел подвести во второй главе «Отцовский род» монографии, изданной за год до его осуждения как «враг народа». Существенное место в этой первой обоб-

щающей книге по археологии Нижнего Поволжья уделено проблемам изучения и реконструкции патриархального родового общества, его общественно-экономической и социальной структуры, разделению труда, формам собственности и хозяйства, обмену, производствам, бытовым памятникам, погребальному обряду, керамике и другим изделиям. К этому времени представления исследователя о ХК конкретизировались: «хвалынская культура была своеобразной локальной формой культуры срубной с элементами соседних культур»²³. Характеризуя ХК, он уделил больше внимания ранним (стадии В и С), чем поздним памятникам своей первоначальной схемы. В связи с рассуждением о сходных формах социально-экономической структуры Рыков упомянул и абашевские древности Среднего Поволжья²⁴. Проанализировав материалы селищ и дюнных стоянок, автор отметил, что они принадлежат населению, занимавшемуся мотыжным земледелием, а в южной полосе – также и скотоводством²⁵. При этом большую роль сыграло обнаружение проса (определение А. Д. Фурсаева) в землянке, исследованной Т. М. Минаевой в 1933 г. около г. Сталинграда. Второй вид производства в ПБВ состоял в разведении домашнего скота. Население также занималось охотой и рыболовством, прядением и ткачеством, обработкой кож и металлов. Он не исключал выделку бронзовых орудий в Нижнем Поволжье (не обладающем своей медной рудой), предполагая, что изделия из бронзы поступали сюда не только посредством достаточно развитого обмена²⁶. В этой связи определенный интерес представляет находка «куска малахита» в погребении эпохи средней бронзы кургана № 6 около с. Фриденберг. В последующем эту могилу со ступенькой и сильной скорченностью костяка исследователь отнес к стадии А²⁷. Возражая против трактовки сосново-мазинских «серпов» как косарей, он считал их небольшими косами. При этом в качестве аргумента профессор сослался на практический опыт по их использованию, произведенный Н. К. Арзютовым²⁸. В итоге Рыков пришел к выводу: «Итак, материалы селищ раскрывают перед нами, хотя и в общих, довольно грубых очертаниях, сложный комплекс древнего хозяйства»²⁹.

Отмечая сложность реконструкции религиозных представлений родового общества эпохи бронзы, Рыков назвал в качестве примера примитивное каменное изваяние, обнаруженное И. В. Сеницыным в 1930 г. на правом берегу р. Колышлей³⁰. Сейчас появились сомнения в правомерности данного предположения. Интерпретация этого изваяния и единственного без инвентарного погребения, обнаруженного в данном кургане 1 (группа II) близ водяной мельницы между деревнями Ершовкой и Павловкой, как закрытого комплекса СК не имеет под собой абсолютно никаких оснований. Хотя В. В. Отрощенко рассматривает этот курган как место поклонения

или святилище носителей СК³¹. Напомним, что курган 1, насыпь которого состояла из каменной кладки, исследован не полностью – раскопан колодцем 4 x 5 м³². Песчаниковая статуя стояла в центре каменной кладки над прямоугольной могильной ямой, обнаруженной на уровне древнего горизонта. Положение рук (правая согнута в локте – кисть на левой тазовой кости, левая – вытянута вдоль туловища и несколько откинута в сторону), а также ориентировка взрослого погребенного головой на запад, не характерны для СК. Поэтому И. В. Синицын справедливо подчеркнул, что нет достаточных оснований определить культурную принадлежность исследованных на Колышлее курганов ХК, хотя и пытался, с оговорками, найти им параллели в андроновских древностях³³. Не случайно, что сейчас некоторые исследователи относят данный комплекс к памятникам киммерийского или более позднего времени.

Деятельность Рыкова протекала тогда, когда в советской исторической и археологической науке происходили организационные преобразования, характеризующиеся «консолидацией историков-марксистов и усилением борьбы с антиленинскими концепциями», разработкой и внедрением марксистской парадигмы³⁴. Вероятно, в 1929 г. Рыков впервые продекларировал особое значение использования формационно-социологического подхода и марксистского научного историзма: «Припомним, что К. Маркс еще отмечал важность собирания и изучения остатков далекой от нас во времени жизни, в целях правильного понимания структуры современных социально-экономических формаций»³⁵. В 1931 г. симптоматичное замечание было сделано при публикации статьи Павла Сергеевича в Сообщениях ГИМК: «Редколлегия считает, что в настоящее время уже имеются налицо необходимые предпосылки для переключения исследовательской работы в русло изучения «состояния производительных сил и вытекающих из них производственных отношений», как на это указывает автор»³⁶. С начала 1930-х гг, когда Рыков уже был членом ВКП (б), при рассмотрении проблем эпохи камня и бронзы в его публикациях чаще встречаются термины: «общественно-экономическая формация», «первобытно-коммунистическая формация», «производительные силы», «производственные отношения», «раннее родовое общество», «общественное разделение труда», «разложение родового общества» и т. п. Подводя итоги археологического изучения Среднего и Нижнего Поволжья, в связи с 15-летием Октябрьской революции, профессор констатировал: «Пора переходить от «вещеведения» и установления «культур» к обобщающим построениям в духе «марксизма-ленинизма», а культура поволжской области, «по выражению тов. Сталина, заслуживает изучения и в наиболее отдаленных от нас во времени моментах»³⁷.

Более основательно привлечены труды классиков марксизма-ленинизма в итоговой моногра-

фии Павла Сергеевича за 1936 г. В ней есть ссылки на работу К. Маркса «Капитал» и В. И. Ленина «Государство и революция», но особенно часто использовалось исследование Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»³⁸. Это вполне понятно, поскольку Рыков был ученым-коммунистом, которому, по словам более молодых саратовских коллег, «революционная теория Маркса–Ленина–Сталина открыла широкие перспективы», и к тому же в 1935 г. его назначили деканом исторического факультета СГУ, третьего факультета в РСФСР и первого в провинции³⁹. Павел Сергеевич принадлежал к новой формации исследователей, «преданно служивших» советской власти⁴⁰. Будучи директором Саратовского областного музея краеведения и Нижневолжского института краеведения, а также деканом восстановленного истафака СГУ, он исполнял свои обязанности, руководствуясь постановлениями СНК и ЦК ВКП (б)⁴¹. Например, это отражено во введении к последней его монографии: «Можно думать, что разработка археологических тем, касающихся тех или иных отдельных областей Советского Союза, имеет также известное значение, особенно принимая во внимание постановление партии и правительства о преподавании гражданской истории в средней школе и последнее постановление по поводу учебников истории, вызвавших замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова об ошибках так называемой школы М. Н. Покровского»⁴². Систематизируя памятники эпохи бронзы, Рыков использовал формационный социоархеологический подход корректно, оставаясь приверженцем схемы В. А. Городцова⁴³. Археолого-культурологический термин «стадия» он начал применять в своей периодизации задолго до последующего господства в советской археологии стадийного подхода Н. Я. Марра. К тому же в итоговой монографии Павла Сергеевича отсутствуют ссылки на работы Н. Я. Марра, сторонником концепции которого, вероятнее всего, он не являлся. Академик упомянут в тексте книги только в связи с «кимерской стадией» В. И. Равдоникаса⁴⁴.

В заключение следует подчеркнуть, что Рыков впервые определил общественно-экономическую структуру хвалынской, или срубно-хвалынской, культуры как комплексное скотоводческо-земледельческое патриархальное общество (отцовский род) времени его окончательного разложения и перехода к соседской территориальной общине. Важность предложенной культурно-археологической модели состояла в том, что, верно выделив обрядовые группы – стадии, Павел Сергеевич впервые показал культурную неоднородность погребений позднего бронзового века Нижнего Поволжья, в том числе и Покровских курганов. Полевые и теоретические исследования П. С. Рыкова до сих пор сохраняют свое значение при разработке проблем эпохи поздней бронзы Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий.

Примечания

- 1 См.: Малов Н. М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. Саратов. гос. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 37.
- 2 См.: Максимов Е. К. П. С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историографический сборник. Вып. 15. Саратов, 1991. С. 53–57; Малов Н. М. П. С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры // Древности Волго-Донских степей в системе Восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 43–48.
- 3 См.: Малов Н. М. Изучение памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья: 1900–1917 годы // Изв. Саратов. гос. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 89–92.
- 4 См.: Малов Н. М. Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции // Тр. II (XVIII) Всероссий. археол. съезда в Суздале: в 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 420–422. Рис. 1-1.
- 5 См.: Рыков П. С. Краткий отчет о деятельности Отдела Археологии Саратовского общества Истории, Археологии и Этнографии за 1922 г. // Тр. О-ва ист., археол. и этногр. при СГУ. Вып. 34, ч. I. Саратов, 1923. С. 1–2.
- 6 См.: Рыков П. С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд., Саратовской губ. в 1922 г. // Там же. С. 18–19.
- 7 См.: Рыков П. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. // Отдельный оттиск из журнала «Ученые записки» СГУ. Вып. III. Саратов, 1924. С. 12.
- 8 Там же. С. 16.
- 9 См.: Рыков П. С. Краеведческая работа в Саратовском крае // Новый восток. Кн. 10–11. М., 1925. С. 374.
- 10 См.: Рыков П. С. Древние культуры Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. № 2, июнь. Саратов, 1924. С. 44–51.
- 11 Там же. С. 47.
- 12 См.: Рыков П. С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет) // Изв. Краевед. Ин-та изучения Южно-Волжск. обл. при СГУ. Т. I. Саратов, 1926. С. 89–134.
- 13 См.: Рыков П. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Т. I. Helsinki, 1927. S. 51–84; Рыков П. С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. Краевед. Ин-та изучения Южно-Волжск. обл. при СГУ. Т. II. Саратов, 1927. С. 77–101, Табл. I, II; Рыков П. С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю / сост. при участии научных сотрудников Саратовского Областного музея Н. К. Арзютова и Т. М. Минаевой. Саратов, 1928.
- 14 См.: Рыков П. С. К вопросу о культурах... С. 91, Табл. III.
- 15 Там же. С. 82; Рыков П. С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М.; Саратов, 1929. С. 7–8.
- 16 См.: Рыков П. С. К вопросу о культурах... С. 92–93, Табл. IV.
- 17 См.: Рыков П. С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском Крае, произведенные в 1928 году // Изв. Нижне-Волжск. ин-та краеведения. Т. III. Саратов, 1929. С. 132–156.
- 18 См.: Малов Н. М. Культурогенез в позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья: археолого-культурологический подход // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: в 2 кн. СПб., 2012. Кн. 2. С. 155.
- 19 См.: Рыков П. С. Археологические разведки и раскопки... С. 135.
- 20 См.: Малов Н. М. Вклад Пауля Рау в изучение бронзового века степного Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: материалы науч. конф. Саратов, 1997. С. 8–13.
- 21 См.: Рыков П. С. Археологическая экспедиция по Хопру // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. № 8. С. 30–35.
- 22 Там же. С. 31–33.
- 23 См.: Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 44.
- 24 Там же. С. 63.
- 25 Там же. С. 36–42.
- 26 См.: Малов Н. М. Литейные формы с Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 12. Саратов, 2005. С. 3.
- 27 Рыков П. С. Очерки... С. 31.
- 28 Там же. С. 41.
- 29 Там же. С. 43.
- 30 См.: Рыков П. С. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье в 1917–1932 гг. (К 15 – летию Октябрьской революции) // Изв. Саратов. Нижне-Волжск. ин-та краевед. Т. V. Историческая секция. Саратов, 1932. С. 12; Рыков П. С. Очерки... С. 51, 60.
- 31 См.: Отрощенко В. В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 12.
- 32 См.: Сеницын И. В. Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея // Изв. Нижне-Волжск. ин-та краевед. Т. V. Историческая секция. Саратов, 1932. С. 25, 29, рис. 4, 5.
- 33 Там же. С. 20–21.
- 34 См.: Малов Н. М. Советская археология в Саратовском университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 4–28.
- 35 См.: Рыков П. С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М.; Саратов, 1929. С. 3.
- 36 Рыков П. С. Археологическая экспедиция... С. 30.
- 37 Рыков П. С. Археологические работы... С. 16.
- 38 Рыков П. С. Очерки... С. 148–152.
- 39 См.: Арзютов Н. К., Сеницын И. В., Сушицкий В. А. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности проф. П. С. Рыкова // Изв. Саратов.

Нижне-Волжск. ин-та краевед. Т. VI. Саратов, 1936. С. 5.

⁴⁰ См.: *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006. С. 32, 36, 66, 76, 85, 185, 186, 211, 216.

⁴¹ *Малов Н. М.* Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)*. М., 2010. С. 721–733. Илл. 60–63.

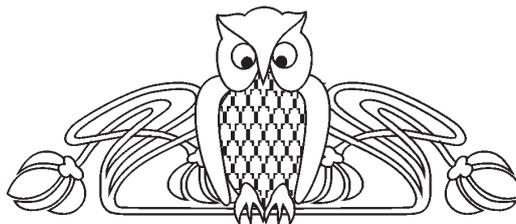
⁴² *Рыков П. С.* Очерки... С. 3, 150. Ссылка № 103.

⁴³ См.: *Мерперт Н. Я., Шилов В. П.* Бронзовый век Поволжья: исследования П. С. Рыкова и современное состояние проблемы // *Археология Вост.-Евр. степи*. Саратов, 1989. С. 24–32; *Малов Н. М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году*. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 187–190.

⁴⁴ *Рыков П. С.* Очерки... С. 52.

УДК 94(470+571)

121-й ПОЛК ВОЙСК НКВД СССР НА ОХРАНЕ РЯЗАНО-УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942 годы)

Д. В. Серов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: den.shatilo@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности служебно-боевой деятельности войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, дислоцированных на территории Саратовской области в первом периоде Великой Отечественной войны с 1941 по 1942 г. на примере 121-го полка. Показана необходимость и специфика охраны и обороны участков Рязано-Уральской железной дороги, а также железнодорожных сооружений, находящихся на территории области.

Ключевые слова: Рязано-Уральская железная дорога, войска НКВД, охрана, оборона, гарнизон.

The 121st Regiment of the USSR NKVD Troops Defending the Ryazan-Ural Railway during the First Period of the Great Patriotic War (1941–1942)

D. V. Serov

The article discusses the features of service and combat activities of the NKVD troops for the protection of railway facilities deployed on the territory of the Saratov region during the first period of the Great Patriotic War from 1941 to 1942, on the example of the 121st Regiment. The necessity and the specific areas of protection and defense of the Ryazan-Ural Railway and railway facilities of the region are considered.

Key words: Ryazan-Ural railway, NKVD troops, security, defense, the garrison.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-351-354

Первый период Великой Отечественной войны (с 22.06.1941 г. по 18.11.1942 г.) явился для Советского государства самым тяжелым, как в военном, так и в экономическом плане. Не обошло это стороной и железнодорожное сообщение на территории страны, которое взяло на себя практически всю тяжесть людских и грузовых перевозок. В сторону фронта шла переброска людских резервов, вооружения, военной тех-

ники и материальных средств. Только за первое полугодие войны были передислоцированы 291 дивизия и 94 бригады. Особое напряжение железная дорога испытала в связи с проведением массовой эвакуации населения и промышленных предприятий из прифронтовых районов вглубь страны. Уже в июле 1941 г. на эвакуоперевозках было задействовано более 300 тыс. вагонов, а число переброшенных промышленных предприятий к ноябрю этого года составило 2593 (из них 1523 крупнейшие). По состоянию на февраль 1942 г. на восток страны из западных и центральных районов было отправлено около 10,4 млн человек. С началом наступления немецких войск на юге летом 1942 г. еще было перевезено 150 заводов и около 8 млн человек¹.

Немецкое командование в целях дезорганизации деятельности железнодорожных коммуникаций стремилось вывести их из строя путем диверсионных действий. В связи с этим возникла необходимость усиления охраны и обороны путей и объектов на железной дороге, которую обеспечивали войска НКВД СССР. Перед началом войны в составе войск НКВД по охране железнодорожных сооружений было 9 дивизий и 5 бригад, численностью 62 157 человек, которые обеспечивали охрану 1697 объектов². С начала боевых действий по апрель 1942 г. войсками было принято под охрану более 2500 железнодорожных сооружений, в первую очередь в европейской части СССР³.

14 декабря 1941 г. Государственный Комитет Оборона принял постановление № 1024/сс «О мероприятиях по улучшению охраны железных дорог». Войскам НКВД было поручено полностью взять под охрану станционные и линейные сооружения, грузы, денежные кассы и сопровождение важных грузов. Совместным приказом НКВД и НКПС СССР от 12 декабря 1941 г. № 1717/с-713/ц существующая стрелковая охрана НКПС в коли-